

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Повесть о житии святых новых чудотворцев Муромских - благоверного и преподобного и достохвального князя Петра, нареченного в иноческом чине Давидом, и супруги его, благоверной и преподобной княгини Февронии, нареченной во иноческом чине Ефросинией.

Повесть эта написана, вероятно, в XV веке. В ней передается народное предание о жизни благоверных правителей города Мурома, князе Петре и княгине Февронии, живших в XIII столетии и скончавшихся в один день в 1228 году.

Благослови, отче.

Давным-давно, когда дедушка моего прадедушки еще в зыбке не качался, жил-правил во славном красном граде Муроме князь Павел. И была та старина стародавняя не нынешнему суматошному времени чета: солнышко ласковое, речки чистые, цветы душистые, девицы скромные; добры молодцы силушкой мерялись не в темных проулках, а во чистом поле. Вокруг Мурома была тьма лесов, и было на земле нашей всякой Божьей твари в достатке: и летучей, и рысучей. Любил князь Павел ездить за охотою - лисиц, зайцев поганивать, гусей, уток постреливать. А пока князь охотой тешился, сатана тоже без дела не сидел: взял да и отрядил своего посланца, змея-оборотня, в княжеские покои.

И волшебством своим перед ней он являлся в образе самого князя. И сумел тот змей, законным мужем обернувшись, жену князя обольстить. Вот стал князь Павел в своей жене какую-то охладу замечать. - Что с тобой, Марья? Аль не люб стал?

-Люб-люб, сокол мой! - ласкается Марья, а у самой голос, словно струночка на ветру, звенит, подрагивает. Может ли сердце верное камень тяжкий в себе носить? Не выдержала княгиня, упала мужу в ноги: - Казни, суженый, свою жену неверную! Ввел меня во грех змей поганый!

Хотел разгневанный князь прогнать жену со двора, да вовремя одумался: ведь она не по доброму согласью, а по лукавому обману срам приняла. И так ему жену жалко стало, что слезы на глаза навернулись: - Не брани себя, моя любушка. И я перед тобой виноват. - Да, в чем же твоя вина? - А в том вина, - муж отвечает, - что я дела семейные на охоту-забаву променял. Почитай, целыми днями - неделями не видимся... Вдвоем думать легче над одной бедой. И сказал он жене так: - Слушай: как явится он к тебе опять, как начнет беседу, так ты хитростью и выведай у него, какая смерть ему страшна. Если сумеешь это вызнать и нам рассказать, то не только в веке нынешнем освободишься от злого его дыхания и сопения, и от всей его мерзости, о которой и говорить срамно, но и в будущем веке нелицемерного Судию Христа умилиставишь.

Вот уехал Павел для приману за охотою, а Марья в своей светелке осталась. Сидит она, шелком вышивает. Вдруг печь ходуном заходила, железная заслонка в сторону отскочила - упал на пол змей змеевич, князем любезным обернулся.

- Здравствуй, свет мой! Истосковался я по тебе... - молвит он и ласково княгиню за белы руки берет. Княгиня говорит: - И я тебе рада. Жена мужнины слова вложила в сердце твердо, решив: "Добро! Так тому и быть". Долго она его хвалила с почтением, и так хваля, спросила: много, мол, ты знаешь, а знаешь ли сроки кончины своей, и какова она будет, и отчего? Этот же страшный соблазнитель, обманутый добрым обманом верной жены, не думая, что тайну свою раскрывает, сказал: - Смерть моя от Петрова плеча, от Агрикова меча!

Жена, услышав такую речь, сохранила ее твердо в сердце своем, и когда страшилище то улетело, поведала князю, мужу своему, что сказал змей. Тут князь и совсем растерялся: что значит "смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча"? Поведала княгиня Марья мужу законному про тот разговор. Задумался князь, говорит: - Может, брат Петр с врагом совладеет? И поведал князь Павел брату меньшому про свою беду. Говорит ему Петр:

-Сослужу я тебе службу братскую. Службу братскую, христианскую. Есть-пить не буду, а эту погань заморскую изведу! Был у князя Петра обычай: ходить по церквам, ища уединения. За городом в женском монастыре стояла церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста. Пришел туда князь, чтобы помолиться в одиночестве.

Помолился Петр на образа святые и отправился, где похоронен был Агрик-богатырь. Подошел к древней могиле и спрашивает:

-Агрик-Агрик, где твой меч-кладенец? Нет ему ответа. Подождал Петр, подождал да и домой отправился. На другой день приходит:

-Агрик - Агрик, где твой чудо-меч? И опять ответа не дождался. На третий день Петр пришел: - Агрик - Агрик, отзовись! Не для лихого дела острый меч ишу...

И тут послышался над его ухом голос вещий: - А ты в ближней церкви поищи. В стене алтарной, в тайной скважине. Отыскал Петр Агриков меч, под кафтан спрятал, и понесли его резвы ноги на княжеский двор.

Каждый день ходил он поклониться брату своему и снохе. Вот как-то, поприветствовав брата, отправился он в покои княгини и там увидел ее сидящей с мужем. - Что же это такое? - спросил князь Петр на обратном пути у слуги. - Как сумел брат меня обогнать и первым в покои к жене прийти? Я ведь и не мешкал нимало...

Отвечал ему слуга: - Нет, господин, брат твой не выходил из своих палат!

Все тогда понял князь и подивился пронырству лукавого змея. Вернулся он к брату и сказал: - Остайся, брате, в палатах своих, не выходи никуда, жди меня. Ныне иду биться со змеем, да с Божией помощью убит будет лукавый. Взял он Агриков меч, пришел к снохе своей, нашел там змея, оборотившегося князем, и твердо уверяя себя, что то не брат, но чудовище, ударил его мечом. Змей же, явившись в своем истинном облики, начал корчиться, биться и, прежде чем умер, забрызгал князя своей кровью.

И от скверной той крови пошел по телу князя струпы и язвы, и тяжело заболел князь. В болезни своей искал он от врачей исцеления, но ни единый помочь ему не смог.

† † †

Слышал князь Петр, что в Рязанской земле есть много искусных врачей, и повелел везти себя в пределы Рязанские, ибо сам от великой болезни своей не мог на коне сидеть. Прибыв же в Рязанскую землю, послал дворню свою искать врачей.

Некий юноша из приближенных князя в поисках забрел в село, называемое Ласково. Подошел он к первому дому, и никем не встреченный, вошел в ворота. Поднимается на крыльцо - никого. Вошел в горницу и видит чудное зрелище: сидит посреди горницы девица, тклет полотно, а перед нею скачет заяц.

Говорит девица: - Худо дому без ушей и палатам без очей!

Юноша тот не понял ее слов и спрашивает: - Где тут хозяин? Живет ли в доме сем человек мужеска полу?

Отвечает девица: - Отец мой с матерью пошли взаимы плакать, а брат отправился через ноги за смертью следовать.

Совсем удивился юноша: - Что за чудеса я вижу? Ты сидишь одна в доме, перед тобой заяц скачет, а ты мне словеса странные глаголешь, и не могу я твоих слов понять!

Она же отвечала: - Сего ли не разумеешь? Ты зашел в дом, застал меня неприбранной, а был бы у нас пес, он бы тебя почуял и залаял. Вот и выходит, что собака - для дома уши. А был бы у нас малый ребенок, он бы тебя увидел и мне бы сказал. Малое дитя - для палат очи. О родителях моих я сказала, что они на похороны пошли: сейчас они о покойнике плачут, а как сами преставятся - по ним будут плакать; вот что такое "плач взаимы". Брат же мой, как и отец, живет тем, что дикий мед в лесу собирает, по деревьям лазает. На дерево лезет - за ногами следит, чтобы не оступиться да не убится. Вот это и значит: "через ноги за смертью следовать".

Говорит ей юноша: - Вижу, разумна ты!.. Скажи мне имя свое.

Она отвечает: - Имя мне Феврония.

Он ей говорит: - Я Муромского князя Петра слуга. Ищем мы для князя нашего врачей, да не знаем тут никого. Не подскажешь ли ты, к кому нам обратиться? Если человек тот врачует князя, то получит дорогие подарки.

Она отвечает: - Веди князя твоего сюда. Если будет он сердцем добр и в ответах смиренен, будет и здрав!

Юноша скоро возвратился к князю и поведал ему все, что случилось. Благоверный князь Петр говорит: - Везите меня к той девице!

И повели его в село Ласково, а вперед князь послал слуг, приказав им передать: "Кто меня хочет лечить, пусть лечит и подарки большие получит". Девица же Феврония княжеским слугам твердо сказала: - Я хочу князя лечить, но подарков от него не требую. Скажите ему так: "Если не стану его супругой, к чему мне тогда и лечить его?"

Вернулся слуга, передал ее слова. Князь же Петр не захотел те слова и к сердцу принимать, думая: "Как мне, князю, жениться на дочери древолазца?", но отправил к Февронии послов: - Скажите, что если есть врачество, то пусть врачует; а если исцелит, то возьму ее в жены.

Слуги так и передали княжье слово. Она, взяв сосудец малый, почерпнула хлебной закваски и, дунув на нее, сказала: - Пусть истопят вашему князю баню, и пусть в бане помажет он струпы и язвы сей закваской, но один струп пусть оставит непомазан. И здрав будет!

Услышав такое, князь приказал истопить баню, но, желая испытать девицу, вправду ли так умна, как о ней юноша говорил, послал к ней слуг своих с малым пучком льна. Если, мол, девица сия действительно премудра и хочет за меня замуж выйти, то пусть из этого льна учинит мне, пока я в бане моюсь, рубашку и порты, и полотенце.

Слуга принес ей лен и передал княжеские слова. Она ему говорит: - Влезь на печь, найди там поленце и принеси сюда. Он принес ей поленце. Она, отмерив пядью, говорит: - Отсеки вот столько. Он отсек.

Она говорит: - Отнеси это князю и скажи: "Пока я лен чешу, пусть сделает из этого обрубка ткацкий станок, чтобы мне было на чем выткать полотно". Слуга принес князю обрубок поленца и речь девичью сказал. Князь удивился ответу ее.

Пришло время князю в баню идти. Повелением девицы помазал он хлебной закваской все свои струпы и язвы, лишь один струп оставил. И вышел из бани, чувствуя себя лучше. Наутро же исчезли с тела его все струпы, кроме одного, который он по девичьим словам, не помазал. И все удивлялись скорому исцелению. Но в жены девицу он

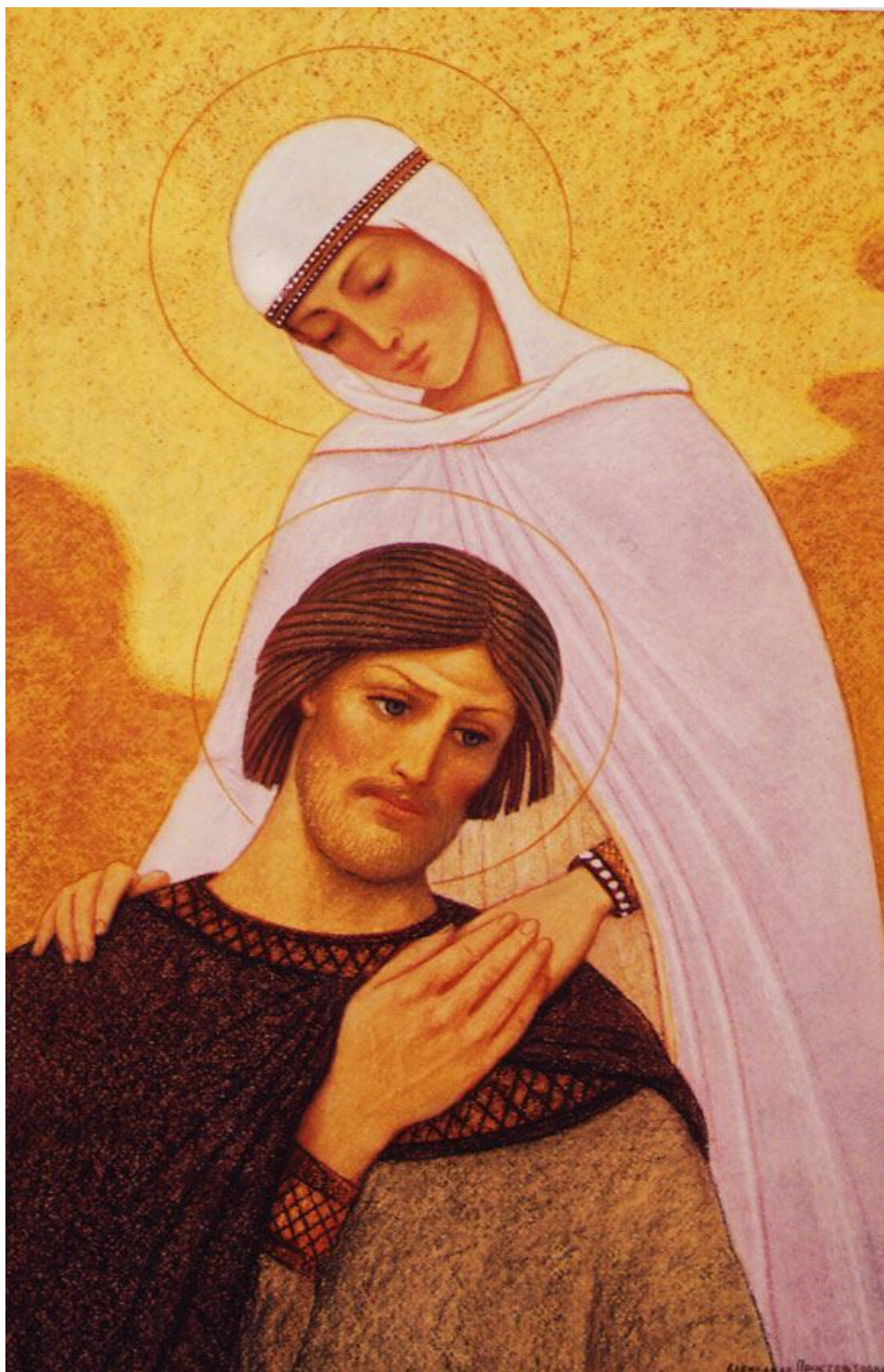
взять не захотел - мужицкого, мол, роду, - а послал ей богатые дары. Она же те дары не приняла.

Поехал князь Петр в Муром, во отчину свою, совсем здоровым. Живет-поживает князь Петр, окреп телом, похорошел лицом, и был на нем струп, не помазанный повелением девичьим, и вскоре покрылся Петр многими язвами, как и прежде, да вот краснеет метинка супротив сердца, разрастается: была с коготок, а теперь с локоток. И не понять толком: то ли язва свербит, то ли сердце болит. Делать нечего, снарядил князь кареты и поехал со сватьями в Рязанскую землю.

Не труднее птице в апрельский день напиться, чем голубю сизому с голубкой белокрылой в брачный сговор войти. Глянули Петр и Феврония в глаза друг другу и поняли: не болезнь их сводила, а сам Господь Бог свел.

Так и стала она княгиней Февронией.

Вскоре сочетались Петр и Феврония законным браком по Апостольскому преданию и Святых Отцов правилу. Расплетали Февронии русу косу на две косицы, частым гребешком волосы расчесывали. Провожали свахи невесту в Красную палату, где Петр со своими дружками дожидался, подносили новобрачным хлеб с полотенцем, ставили на стол сыр и солоницу с солью. Горели в трапезной свечи пудовые, обручальные, золотыми кольцами опоясанные.

† † †

Пришли они во отчину свою, град Муром, и жили во всяком благочестии, ни едину из Божиих заповедей не нарушая. Немного времени прошло - отошел князь Павел жития сего, благоверный же князь Петр по брате своем стал единым самодержцем граду Мурому.

Княгиню же Февронию бояре его не любили, обижались за жен своих: не по роду своему стала она княгиней, но Господа ради, прославляющего ее за доброе житие.

Вот некто из приближенных пришел к благоверному князю Петру жаловаться на нее: мол, из-за стола всякий раз неприлично княгиня встает - крошки хлебные в руку сметает, словно голодная. Благоверный князь Петр, желая испытать ее, повелел накрыть общий

стол. Когда же кончился обед, она, по своему обычаю, смела крохи себе в ладонь. Князь Петр поймал ее за руку, разжал ей ладонь, а там - ладан благовонный и фимиам. С того дня оставил ее и больше не испытывал.

Через многое время приходят к нему бояре и говорят в ярости:

- Хотим все праведно тебе служить и самодержцем иметь тебя, но Февронию в княгинях видеть не хотим, и чтоб она женами нашими государствовала не желаем. Если хочешь самодержцем оставаться, бери другую княгиню. Феврония же, взяв довольно богатства, пусть идет куда хочет!

Благоверный же князь Петр, по обычаю своему нимало не гневаясь, со смирением отвечал:

- Скажите Февронии. Послушаем, что ответит.

Они же, неистовые, исполняясь безстыдства и злого умысла, решили учредить пир. И устроили его. И когда уже были в подпитии, начали разводить безстыдные речи, словно псы лающие. Говорили они:

- Государыня княгиня Феврония! Весь град и все бояре обращаются к тебе: дай нам, чего мы у тебя попросим!

Она говорит: - Возьмите то, что просите.

Они же едиными устами говорили:

- Мы ведь все, госпожа, хотим, чтобы князь Петр самодержествовал над нами, а жены наши не хотят, чтобы ты над ними господствовала. Возьми богатства довольно себе и иди куда хочешь!

Она и говорит:

- Обещала я вам, что все, чего ни попросите, примите. Я же вам скажу: дайте и мне то, чего я у вас попрошу.

Они же, от злобы не предвидя будущего, сказали с клятвой:

- Чего ни попросишь, безпрекословно дадим!

Она и говорит: - Ничего не попрошу, только супруга моего, князя Петра!

Они в ответ: - Если сам он так захочет, мы возражать не станем.

Внушил им враг мысли, что если князя Петра не станет, то они иного самодержца изберут, ибо каждый из бояр в уме держал, что сам он самодержцем станет.

Блаженный же князь Петр не прилежал сердцем к временному своему самодержавию, помнил только заповеди Божии, и по заповедям Его шествуя, держался тех слов, что богогласный Матфей в своем Благовесте вещает: "Иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит". Этот блаженный князь по Евангелию поступил: княжение свое за ничто почел, лишь бы против заповедей Божиих не пойти.

Злочестивые же бояре дали им ладьи речные - ведь у града того протекает река, называемая Окою. И поплыли князь с княгинею на ладьях по реке. Был же на судне некий слуга блаженной княгини Февронии, и жена его на том же судне помещалась. Человек тот принял помысл от лукавого беса и воззрел на святую с блудным желанием. Она же угадала злой помысл своего слуги и обличила его, сказав:

- Встань с правого борта ладьи и зачерпни воды из реки.

Он зачерпнул. Она повелела ему отхлебнуть той воды. Тот отхлебнул. Тогда она снова говорит: - Теперь встань с левого борта и снова воды зачерпни.

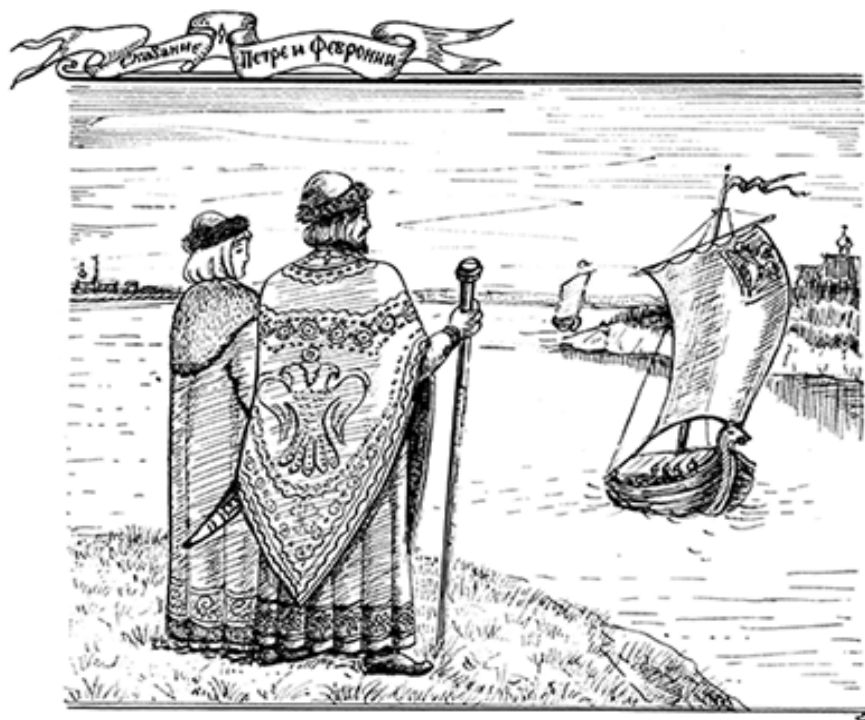
И опять повелела она ему испробовать воду на вкус. Он испробовал. Тогда она спрашивает: - Равна ли вода по вкусу или с одного борта послаще будет?

Он отвечает: - Что тут, что там - одинаковая вода.

Тут она и говорит: - Вот так же и естество женское: что у одной, то у другой - равно. Зачем ты, жену забыв, о чужих помышляешь?

Человек тот понял, что есть у нее прозрения дар, и с тех пор боялся худое о ней помышлять.

Близился вечер, начали к берегу причаливать. Тут одолели блаженного князя Петра раздумья: "Как буду дальше жить, своею волею самодержавие оставив?" Предивная же княгиня Феврония отвечает ему:

- Не тужи, Петр! - говорит Феврония. - Господь лучше нашего знает, кого наделить и у кого отнять. Не гоже нам горевать-тосковать. Ты ушицы-душицы покушай, а обиды-назолы не слушай. Похлебали они ушицы, черным хлебушком закусили. Сыты, здоровы, - чего еще желать? Посмотрела Феврония-чудодейница на обгорелые рогульки костровые да и говорит: - Будут эти колышки наутрие дровие велико с ветвями и листьями. Князь Петр не поверил.

Проспали они в своих шалашах до зорьки ранней, до вторых петухов. Вышел князь наружу, смотрит: батюшки-светы, вчерашние рогульки обугленные в зеленые дубы превратились, пошумливают резной листвою, а на крепком суку малая птаха сидит - песни распевает.

И когда уже хотели люди княжеские грузить пожитки на ладьи, пришли вельможи из града Муром с словами: - Господине княже! От всех вельмож, от всего града пришли мы к тебе, да не оставишь нас, сирых! Возвратись в свое отечество! Многие вельможи в городе погибли от меча: каждый хотел державствовать, и многие друг друга перебили. Те же, кто остались, со всем народом молят тебя: господине княже! Хоть и прогневали тебя, и раздражили, и не хотели, чтобы княгиня Феврония владычествовала над женами нашими, но теперь кланяемся со всеми домочадцами и рабами своими: и зовем, и любим, и молим - не оставь нас, рабов твоих

† † †

И блаженный князь Петр с блаженной княгиней Февронией возвратились в град свой. И державствовали в граде своем, ходя во всех заповедях и оправданиях Господних безпорочно, принимая мольбы и творя милости всем, под их властью сущим, словно чадолубивые отец и мать. Ибо имели они ко всем любовь равную, не любили ни гордости, ни грабительства, и богатство свое тленное не щадили, но в Бога богатели. Были они своему граду истинные пастыри, а не наемники; градом правили, служа правде, с кротостью, а не с яростью. Странников принимали, голодных кормили, нагих одевали, бедных от напастей избавляли.

Когда же к концу близилось правление их, умолили они Господа, чтобы им в один и тот же час вместе преставиться. И повелели положить их в одну могилу, чтобы в одном

камне лежали два гроба, с одною лишь перегородкой между ними. Сами же они в один и тот же день облеклись в монашеские ризы. И наречен был князь Петр в иноческом чину Давидом, преподобная же княгиня Феврония наречена была Ефросинией.

В то же время преподобная Феврония, нареченная Ефросиния, в соборный храм Пречистой своими руками шила воздух с ликами святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислал к ней сказать: "Сестро Ефросиние! Хочу уже отойти от тела, но жду тебя, чтобы вместе нам разрешиться". Она же отвечала: "Подожди, господине, пока дошью воздух во святую церковь!" Он вторично посылает к ней: "Не в силах я долго ждать тебя!" И в третий раз посылает: "Хочу уже преставиться и не могу тебя ждать!" Она в то время заканчивала работу, и не успела у одного святого ризы дошить, только лик его закончила, но воткнула иголку и нить перевязала, и послала Петру сказать, что вместе преставляться будут. И, помолившись, предали души свои святые в руце Божии месяца июля в 25 день.

По преставлении же их хотели люди положить блаженного Петра в городе у соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию за городом в женском монастыре у церкви Воздвижения Святого Животворящего Креста, рассуждая так: "Раз были эти святые в монашеском чине, значит, не следует их рядом в могилу класть". Так и сделали, общую же могилу, вытесанную в камне, что находилась у того же соборного храма Пречистой, оставили пустой.

Утром проснувшись, обнаружили люди, что отдельные гробы князя с княгиней пусты, святые же тела их лежали в общей могиле у храма Богородицы. Люди неразумные, при жизни Февронии покоя не дававшие, и по честном ее преставлении своего обычая не оставили: снова переложили их в разные гробы и в разные концы разнесли. И снова на утро обнаружили святые в общей могиле.

И больше уж не смели люди прикоснуться к святым их телам и оставили их там, где они сами повелели: у соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, посреди города, которому они даны были на просвещение и спасение; те же, кто с верою прикладываются к святым мощам их, неоскудное исцеление принимают.

Мы же по силе нашей приложим наше хваление им:

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть убити летящего змия. Радуйся, Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси.

Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел еси. Радуйся, Февроние, яко от Бога имела еси дар в девственной юности недуги целити.

Радуйся, Петре, яко заповеди ради Божия самодержавства волею оступи, еже не оставити супруги своя. Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину ночь малое древие велико возрасте и изнесоша ветви и листвие.

Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении и в молитвах и в милостыни, без гордости пожиста; тем же Христос дарова вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежащее, духом же предстоит Владыце Христу. Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаета!

Но молим вы, о преблаженныя супруги, да помолитесь о нас, творящих верою память вашу.

Помяните же и меня, грешнейшего, списавшего сие, елико слышал; не ведая, что другие писали, ведущие больше меня. Если и грешен я, и груб, но на Божию благодать и на щедроты Его уповая, и на ваше моление ко Христу надеясь, трудился мыслями. Хотел вас, святые, на земле хвалами почтить, но даже не коснулся хвалы. Хотел ради вашего смиренного самодержавия и преподобия по преставлении вашем венцы вам сплести, но даже не коснулся плетения. Прославлены вы на небесах и венчаны истинными нетленными венцами от общего Владыки Христа, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

НЕРАЗЛУЧЕННЫЕ

Сказ о муромских святых Петре и Февронии

(из книги "Учение 12 апостолов")

-Не тужи, Петр! - говорит Феврония. - Господь лучше нашего знает, кого наделить и у кого отнять. Не гоже нам горевать-тосковать. Ты ушицы-душицы покушай, а обиды-назолы не слушай. Похлебали они ушицы, черным хлебушком закусили. Сыты, здоровы, - чего еще желать? Посмотрела Феврония-чудодейница на обгорелые рогульки костровые да и говорит: -Будут эти колышки наутрие древие велико с ветвями и листьями. Князь Петр не поверил.

Проспали они в своих шалашах до зорьки ранней, до вторых петухов. Вышел князь наружу, смотрит: батюшки-светы, вчерашние рогульки обугленные в зеленые дубы превратились, пошумливают резной листвою, а на крепком суку малая птаха сидит - песни распевает.

Сели наши изгнанники в лодки, от ночной росы волглые, и поплыли себе дальше - куда глаза глядят, куда речка ведет.

Привела их Ока-река к месту, где ныне город Жайск стоит. Не успели они к берегу пристать, смотрят - что за люд-народ за ними стремится: по реке плывут, по суше идут, руками машут, уж не тати ли какие подорожные?

А это боярские посольщики за ними в сугон пустились. Едва успели Петр с Февронией Муром покинуть, а уж бояре из-за княжеской шапки лбами перестукались, чуть до кроволития дело не дошло. Что тут поделаешь - каждая ложка мнит себя плоской. Честили бояре друг друга, костерили, наконец к здравомыслию стали клониться: а ведь с Петром-то было лучше, чем без Петра, да и жонка его рязанская не так уж плоха: богомольна, нищелюбива, да и умом ее Господь Бог не обнес.

Повалились боярские посольщики князю в ноги:

-Бояре муромские тебя в Муром кличут. Иди и правь. Коль обиду не вспомнешь, согласишься, будут они за тебя вечно Богу молиться, верою-правдою служить!

Согласились Петр с Февронией. Пересели они на самые лучшие лодки и поплыли вверх по Оке, меж холмов-бугров окатистых, бережков речных урывистых. Гребцы на радостях песню затянули. И вышло так, что обратный путь короче прежнего оказался.

Встретили бояре своего князя хлебом-солью, от самых сходен прогибистых до терема златоверхого ковры постелили. Как только Феврония праведная на муромскую землю ступила, в овраге Бучиха новый родник пробился: завился, зашевелился в траве-мураве, словно длинный пастуший кнут.

Расцвели, укоренились в Муроме Петр с Февронией, как те дубки окские. Но бывают ли дубки без отросточков?

Вот и отросточки появились, к небу Божьему потянулись: Святослав, Юрий, Ярослав, Давид...

Князь Петр старался мирно править, воинскими походами не промышлял. Однако князьи раздоры и его стороной не обошли. Старался Петр князей замирить, а коль доброе слово не помогало, то обидчика копьем осаживали, а слабого да обиженного с земли подымал.

Когда Петр с муромским воинством из города уходил, Февронии день за неделю казался, а неделюшка за месяц шла. Зато сколько радости жене-детям было, когда князь, вернувшись, шелом запыленный с головы снимал. Любовь да согласие вместе с ними за одним пировальным столом сидели, пили-ели из одних блюд.

От жизни княжеской Феврония не загордилась, не зачванилась: бывало, перекинет расписное коромыслице через плечо и павой на родник, к Оке, плывет, а то печку, не дожидаясь слуг, растопит, красную светелку сырым веником подметет. Научилась рязаночка шелком-золотом шить, но и врачеванье свое древнее не забывала: то болящего-лежащего на ноги поставит, то девицу пригожую от сглаза вылечит.

Много времени отдавала Феврония молитве. Придет она в церковь соборную, опустится на колени перед иконою и молится, поклоны низкие бьет. И хоть тут гром греми, во весь голос кричи - ничего Феврония не слышит, никого не видит, кроме нашего Христа Спасителя.

Так и жили Петр с Февронией в ладу и согласии, а когда старость пришла, решили они монашеской постриг принять; и просили они Господа Бога, чтобы прибрал он их в один день и час и чтобы тела их бранные, не разлучаясь, лежали в гробу каменном, который они загодя припасли и поставили в соборный храм Рождества Богородицы.

Разошлись супруги неразлучные по разным монастырям, чтобы в новой жизни навек соединиться: Петр - в Спасский монастырь, а Феврония - в Крестовоздвиженскую обитель. Пребывали праведники муромские в строгом посте и молитве, хлебом-солью с нищими делились, будущих супругов на подвиг самоотверженной любви благословляли.

Но вот болезни стали удручать Петра. Чувствует он: душа в небесные кущи стремится. Посылает Петр монаха-гонца в Воздвиженский монастырь: мол, так и так, скоро преставится инок Давид. Феврония - в иночестве Ефросинья - в то время покров для их общей гробницы дошивала.

Говорит Ефросинья: -Скажи ему: пусть потерпит. Я еще покров дошиваю.

Монах передал. Петр закрыл глаза: -Так и быть, потерплю!

Однако смерть не любит ждать. -Пооди в женский монастырь! - просит Петр гонца. -Мой срок пришел. Монах заторопился: -Умирает праведник наш! Вздохнула Феврония: -Не подождет ли еще? Мне только три ниточки серебряные положить... Петр снова ждал, а когда совсем невмоготу стало, говорит: -Сходи к ней... Последний раз прошу... Положила Феврония в узор последнюю нитку, убрала иголку и в одно время с мужем свои глаза закрыла. Случилась та кончина в лето 6735 июня в 25 день. И был к тому времени Петр «подобием стар и сед, брада аки Богоотца Иоакима кудревата, ризы преподобническия и в схиме. Феврония образами и ризами аки Евдокия, и в схиме».

Однако не исполнили бояре муромские завещание Петра с Февронией, не положили их купно, в одном каменном гробу, а развели по разным домовинам; Петру соборный храм Рождества Богородицы определили, а Февронию оставили лежать в церкви Воздвиженского монастыря.

Тогда многие говорили: -Не гоже иноку с инокиней в одном гробу быть. Но не дано ни человеку, ни врагу рода человеческого разделить то, что связано незримым скрепом Божиим: наутро оказались праведники в одном тесаном гробу -только перегородка невысокая их друг от друга отделяла.

Бояре же, отступу не зная, велели праведников на прежнее место возвратить. Но и на этот раз чудо повторилось.

А когда в третий раз муж с женой в едином гробу обрелись, поняли бояре-разлучники, что не переиначить им Божию волю. И «не смеяху прикоснуться к святым их телесам и положища я во едином гробе».

И как только богоугодное дело свершилось, начались чудеса необыкновенные у гроба святых твориться: слепые прозрели, немые заговорили, болезные с постелей встали, глухие слышащих превзошли.

И пошла слава о муромских праведниках-чудотворцах по всей Великой Руси. Гордые московские цари за счастье почитали к святым мощам приложиться. Иван III, которому пришлось в младенчестве от гнева Дмитрия Шемяки в муромских монастырях скрываться, воцарившись на престол, Богородицкий собор посетил «на поклонение святым мощам своих сородичей князя Петра и княгини Февронии».

Иван Грозный после похода Казанского повелел прислать в Муром казну золотую и самых искусных мастеровых для возведения каменного храма Рождества Богородицы над мощами святых благоверных Петра и Февронии. И вклады немалые делал царь-воитель: иконы в драгоценных окладах, кресты и сосуды серебряные, колокола многопудовые, книги письменные, покровы червчатые на святые мощи.

Царица Ирина, жена Федора Иоанновича, в своих молитвах неустанных просила Февронию, чтобы сжалилась над ней святая покровительница, подарила дитячко малое: матери на радость, отцу державному на умиление. Шила царица со своими подручницами льняными нитями по небесной итальянской камке, украшала нимбы Петра и Февронии золотом-серебром. И был тот покров возложен на святые мощи.

Услышала Божья угодница истовые молитвы, подарила царю и царице дитя ненаглядное. Тускнули покровы дареные, златотканые; менялись раки и крышки надгробные. Мощи то открывались взорам верующих, то уходили под спуд. И только Господь Бог ведал, какие испытания Святой Руси предстоят.

То не Соловей-разбойник, Одихмантьев сын, по-соловьему свищет, по-звериному рыщет. Не Сафа-Гирей у ворот-дверей. То не царь Дюдень подпалил плетень. То не пришлый лях загалдел в полях. То другая рать подкралась, как тать... Понял недремлющий сатана, что не осилить ему русского человека в открытом бою, и решил доверчивые души христианские передать на свой салтык: стоит перед вами как будто крепкий русский человек, а ткни его - заморская гнилушка. Соблазняли бесы людей различинных да чернедь-мужичков скорым раем земным, стравили людей русских, словно псов беспородных. Перессорились муж с женою, отец с сыном. Брат на брата войною пошел. Изводили злодеи-халдеи под корень дворянскую и купеческую ветвь, не щадили ни куреней казачьих, ни справных изб крестьянских.

Был бы жив старый казак Илья Муромец, что за Отечество, за веру Христовую широкой грудью стоял, не удалось бы супостатам Святую Русь покорить. Только спал наш богатырь сном беспросыпным во сырой земле, на крутом холме; на его стеновой могилке огромный камень лежал, и был тот камень цветом кровь-руда - русская беда.

Стреляли иваны безродные, от веры свободные, из пушечки длинноствольной петроградской по крестам-маковкам золоченым - осыпались маковки, словно листья осенние. Не стащив шлемов ушастых с голов своих, заходили басурмане с подручниками в церкви православные: там они от святых лампадок прикуривали, из церковных чаш самогонку потягивали; а лихого зелья глотнув, белыми просвирками закусывали; закончив пить-есть, богохульники руки нечистые священными ризами утирали.

Потешались бесы над любовью целомудренной, над семейными устоями христианскими. Поддавшись наущению бесовскому, ломатели старого мира жен верных не заводили, спали, с кем нечистый сведет, а детей прижитых старались переложить на общество.

Пронесся пыльный вихорь по всей матушке-Руси, не обошел ни одного угла-закоулочка. Долетели вихри и до древнего Муромы, до святых мощей, которыми город исстари славился. На своем собрании-заклании решили местные басурмане навестить собор Рождества Богородицы, где мощи благоверных святых Петра и Февронии обретались.

Запаслись басурмане мандатом, который они за святцы почитали, и был у того мандата номерок некороткий... Вот уж кости русских святых перещупаны, до последнего суставчика переписаны, разоблачение «векового обмана» состоялось, теперь самое время телегу к церковным вратам подгонять.

Выбрали басурмане ночку потемнее, наняли извозчика-нехристя и, проникнув в храм Рождества Богородицы, стали оттуда святые мощи выносить. Однако и народ честной не дремал. Православные у паперти сходились, на пути ночных злодеев становился. Они слезно разговаривали, отступиться уговаривали. Только были разорители слепы-глухи. Они горьких слов не слышали, лиц заплаканных не видели. Они гордо шли-вышагивали, через павших перешагивали. А когда народ озлобился, поднагнулся за камнями, комиссар позвал милицию, белоснежную амуницию. Та милиция народ в тычки брала, все курочки до едина возвела. Но народ не убежал, не уходил, вороненые наганы отводил. И пока телега до бывшего купеческого дома ехала, народ за изгнанными мощами тянулся, не отставал.

Оказались мощи в новом музее, в безбожном отделе, рядом с мощами святых князей Константина, Михаила и Федора и гробницей Иулиании Лазаревской - стали муромские святые один крест нести.

Стали поговаривать муромляне, что в местном музее не настоящие мощи, а подложные. Настоящие не дались в нечистые руки - в святу землю ушли. Говорили еще, что святые мощи муромские старообрядцы выкупили и отослали в Париж на сохранение.

Чтобы несознательный верующий народ не смущать, распорядилось музейное начальство вынести мощи во двор, в амбар толстостенный, и закрепилось за тем амбаром название необычное - «мощевая».

Однако верующие и сюда проникали: не останавливали их ни запоры-затворы, ни замки пудовые кулаки. Крестились православные истово, гробницы поруганные целовали.

Не забывали верующие и рязанское село Ласково, откуда Феврония родом. Разрушили после войны, в пятидесятые годы, Петро-Феврониевскую кладбищенскую церковь, но осталась деревянная часовенка, не выродился ореховый куст, возле которого молилась когда-то святая.

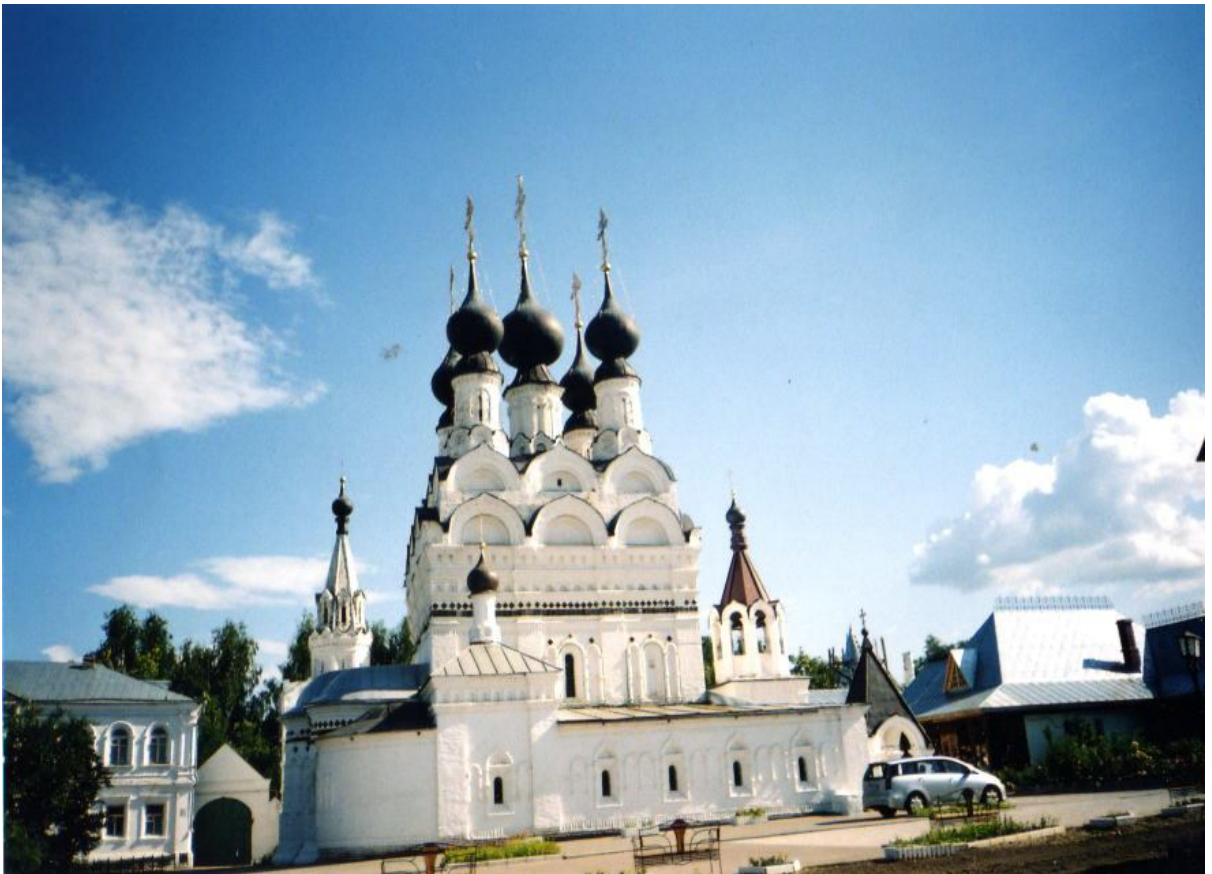
Незадолго до своей чудесной кончины пророчила Феврония, что на месте ее келейки через восемь веков поселятся монашки-божьи пташки. Так оно и случилось: после разгона Дивеевского монастыря стали в домике, построенном на месте кельи, монашки-беглянки проживать. Вот уж истину глаголят: свято место пусто не бывает. И долго они в завещанном доме жили, неся свой обет нелегкий и смятенный дух христианский укрепляли. Только несколько лет тому назад последняя из дивеевских монахинь отдала мирянам свое жилье и уехала из города.

Были когда-то в Муроме славном тридцать церквей да три монастыря. Все извели, порушили, до ребрастых стропил обглодали, одну только Благовещенскую церковь в покое оставили - молись православный, в духоте, в теснине, поглядим, крепка ли твоя вера?

Непросто, ох, как было непросто муромским святым под родные купола возвращаться. Новые гонители стародавних всеми статьями превзошли: если жайское изгнание несколькими днями обошлось, то муромское затворение семь десятков лет длилось. И все же благодаря стараниям христианским разрешили власти перенести мощи из музея в Благовещенский собор.

Случилось это в зиму 1989 года: на второй день Святого Богоявления подъехала к краеведческому музею неказистая «полупторка», раки тихонько-легонько задвинули в кузов, и поехал грузовик мимо заснеженного оврага к Благовещенскому собору. Мощи в Божий храм везли, борта звякали; в отдаленьи бесы шли, горько плакали.

А по открытии женского монастыря обрели мощи Петра и Февронии новое место - Троицкую церковь...

Говорят, каждую полночь выезжает из ворот Благовещенского монастыря тройка белых коней, запряженная в большую золоченую карету. Сидят в той карете муромские святые князья Константин, Михаил и Федор, и плывет та карета, словно облако летнее, к приокскому парку, к тому самому месту, где стоял когда-то, сияя куполами, кафедральный собор Рождества Богородицы. Восстает красавец - собор из небытия и праха, и спускаются по стершимся каменным ступеням князья Петр и Феврония. Кланяются низко гостям святые супруги, вводят их в храм, чтобы отслужить молебное пение. А после молебна все усаживаются в золоченую карету и медленно едут вокруг города.

Верующие считают: тот круг надежнее всякого щита древний Муром хранит. Потому-то и не упала на город ни одна бомба в минувшую войну, да и «взрыв арзамасский» наши пределы миновал.

Радуйся, светлый град Муром! Ликуй, церковь Божья, хранящая и оберегающая славный собор муромских святых и чудотворцев! Пусть живет благочестие древнерусское и верное супружество, скрепленное Божьим благословением! Пусть Господь отринет и посрамит нечестивцев, выдающих животный блуд за истинную любовь!

Да запомнятся каждому вдохновенные слова из службы святым Петру и Февронии: «Какими песенными добротами восхвалим Петра блаженного с прехвальной Февронией, как благоразумные крыла, прилетевшие от земли на небо и приблизившиеся к престолу Святой Троицы. И с ангелами весело ликующие и Христу молящиеся об устроении мира и о сохранении земли российской и от нашествия супротивных и междоусобной брани. Их же любовью восхваляют и непрестанно почитают...»

Воздадим же святым благоверным Петру и Февронии честь и славу:

Радуйся, Петр, ибо дана тебе была от бога сила убить летающего свирепого змея!
Радуйся, Феврония, ибо в женской голове твоей мудрость святых мужей заключалась!

Радуйся, Петр, ибо, струпья и язвы нося на теле своем, мужественно все мучения претерпел! Радуйся, Феврония, ибо уже в девичестве владела данным тебе от Бога даром исцелять недуги! Радуйся, прославленный Петр, ибо, ради заповеди божьей не оставлять супруги своей, добровольно отрекся от власти! Радуйся, дивная Феврония, ибо по твоему благословию за одну ночь маленькие деревца выросли большими, покрытыми ветвями и листьями! Радуйтесь, честные предводители, ибо в княжении своем со смирением, в молитвах, творя милостыню, не возносясь, прожили; за это и Христос осенил вас своей благодатью, так что и после смерти тела ваши неразлучно в одной гробнице лежат, а духом предстоите вы перед владыкой Христом! Радуйтесь, преподобные и преблаженные, ибо и после смерти незримо исцеляете тех, кто с верой к вам приходит!

Мы же молим вас, о преблаженные супруги, да помолитесь и о нас, с верою чтущих вашу память!

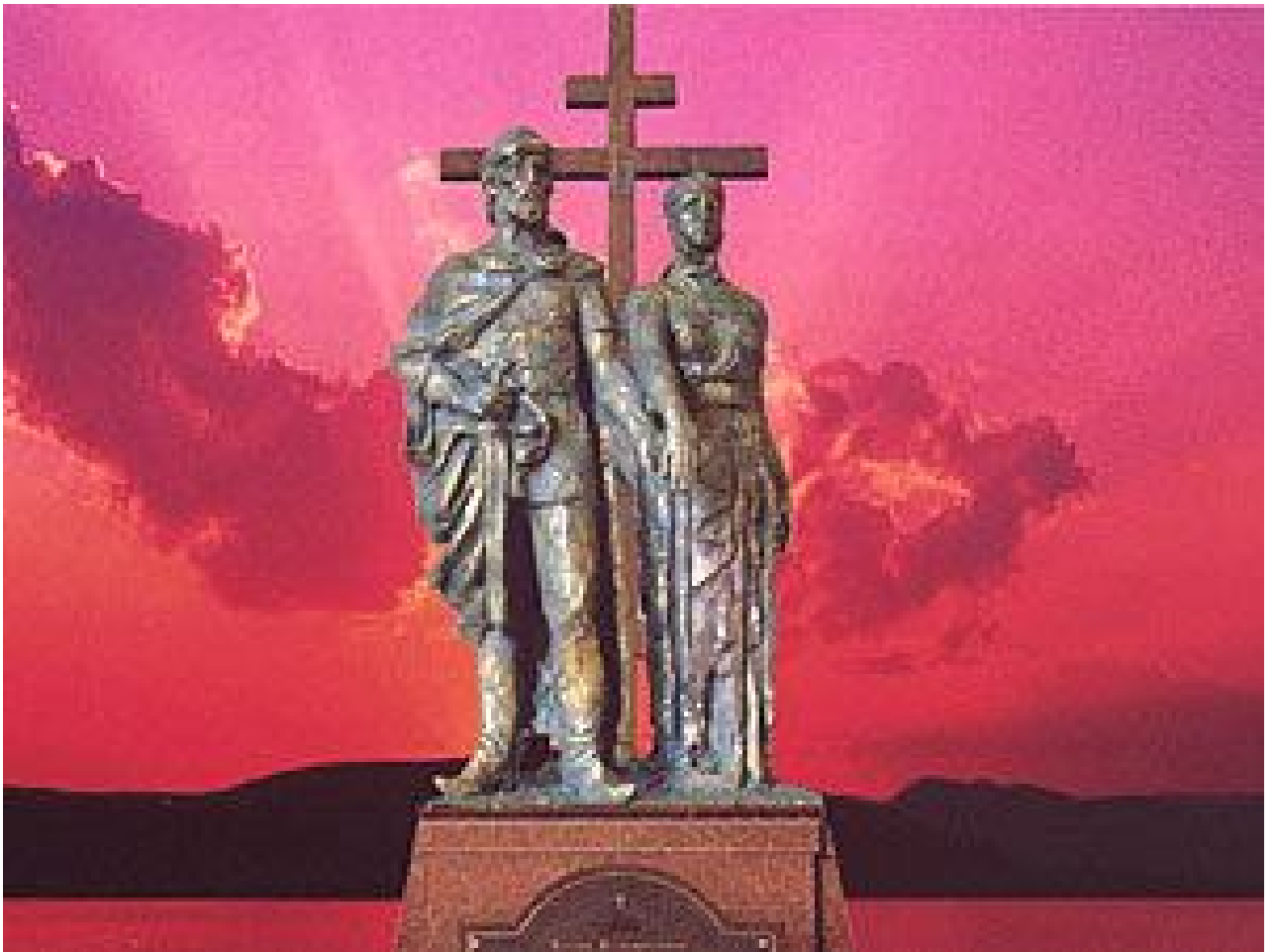
Помяните же и меня, прегрешного, написавшего все то, что я слышал о вас, не ведая – писали о вас другие, сведущие более меня, или нет. Хотя и грешен я, и невежда, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваши молитвы к Христу надеясь, работал я над трудом своим. Желая вам на земле хвалу воздать, настоящей хвалы еще и не коснулся. Хотел вам ради вашего кроткого правления и праведной жизни сплести венки похвальные после преставления вашего, но по-настоящему еще и не коснулся этого. Ибо прославлены и увенчаны вы на небесах истинными нетленными венками общим владыкой всех Христом. Ему же подобает вместе с безначальным его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Духом всякая слава, честь и поклонение ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

"ЦАРСТВО БОЖИЕ УЖЕ ПРИШЛО,
КОГДА ДВОЕ УЖЕ НЕ ДВОЕ, А ОДНО"